

ПРОГРЕСС, СТРЕЛА ВРЕМЕНИ И АНТИТЕЗЫ ЭТИХ ИДЕЙ

Юлия Вайнгурт

«Движение без тяготенья немыслимо»:

ТЕХНЕ В НАТУРФИЛОСОФИИ ТОЛСТОГО

Julia Vaingurt

“Movement without gravitation is unthinkable”: Techne in Tolstoy's natural philosophy

Юлия Вайнгурт (Университет Иллинойса в Чикаго, США, доцент кафедры польских, русских и литовских исследований; PhD) vaingurt@uic.edu.

Ключевые слова: Л. Толстой, прикладная наука, технический прогресс, движение, совершенствование, коллективная память

УДК: 60+62+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_15

В статье прослеживается интерес Л. Толстого к теме науки и техники на материале его литературных произведений, статей, учебных пособий, дневников и писем — и предлагается переоценка взглядов писателя на роль этих факторов в человеческой жизни. При всестороннем рассмотрении тексты Толстого в опровержение доминирующего среди критиков мнения выявляют его вдумчивое и тонкое понимание технического прогресса, предвосхитившее некоторые из наиболее влиятельных теорий в этой области, появившихся в XX веке. Анализируя живой интерес Толстого к передовым технологиям, автор показывает, что назрела необходимость пересмотреть наше понимание художественной культуры *fin de siècle*, которую часто воспринимают как всецело ориентированную на эстетическое, духовное и трансцендентное, и оттого чуждую и невосприимчивую к современному ей научно-техническому перевороту.

Julia Vaingurt (PhD; Associate Professor of Russian Studies, University of Illinois at Chicago, USA) vaingurt@uic.edu.

Key words: Leo Tolstoy, applied science, technological advances, movement, improvement, collective memory

UDC: 60+62+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_15

The article reassesses Tolstoy's interest in the topic of science and technology in human life by tracing his engagement with this theme from his fictional works to his essays, textbooks, diaries, and letters, and offers a reevaluation of the writer's views on the role of these factors in human life. Upon considerations from all sides, Tolstoy's writings, contrary to the popular belief, evince his thoughtful and sophisticated understanding of modern science and technology that presages some of the most influential 20th-century theories of technology. By analyzing Tolstoy's keen interest in technological advances, the author argues for the need to revise our understanding of the *fin de siècle* artistic culture, often perceived as oriented solely toward the aesthetic, the spiritual, and the transcendent and, therefore, aloof and unresponsive to great scientific upheavals taking place around it.

Известное высказывание Чехова «в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса» [Чехов 1977: 283—284] неявно указывает на несовместимость толстовских предписаний к благой жизни с техническим прогрессом. Действительно, Толстой зачастую скептически отзывался о механических решениях человеческих проблем. В «Анне Карени-

ной», например, он параллельно критикует поспешное вступление России в эру промышленной революции и представление о художественном мастерстве как о простом приобретении технических навыков; в статье «Прогресс и определение образования» критика самой концепции прогресса занимает центральное место в негативной оценке западного подхода к просвещению; и, наконец, в «Дневниках» фокусной точкой разногласий Толстого с социалистами становится его скептическое восприятие ценности современных технологий.

Тем не менее из воспоминаний членов семьи, друзей и последователей Толстого мы знаем, что некоторым новым технологиям удалось заслужить его одобрение. В частности, писатель с энтузиазмом воспринял велосипед, кататься на котором научился в шестьдесят семь лет, фотографию, причем побывал как моделью, так и фотографом, и фонограф, которым он пользовался в ряде памятных случаев. Толстой состоял в переписке с Томасом Эдисоном и даже сделал записи нескольких своих произведений для последующих поколений на эдисоновском фонографе. Он планировал экранизации своих книг и был одним из первых среди мировых знаменитостей, кто позволил папарацци запечатлеть свой облик на пленке. Отношение Толстого к беспрецедентным техническим открытиям его эпохи может показаться противоречивым, но, как будет видно из этой статьи, то, что он принимал одни современные технологии и отвергал другие, определялось его жизненной философией и местом, которое занимало в ней творчество. Более того, в опровержение доминирующего среди критиков мнения мы покажем, что вдумчивое и тонкое понимание писателем технического прогресса предвосхитило некоторые из наиболее влиятельных теорий, появившихся в XX веке, и в наши дни стало актуально как никогда. Наконец, анализируя живой интерес Толстого к передовым технологиям, мы попробуем показать, что назрела необходимость пересмотреть наше понимание художественной культуры *fin de siècle*, которую часто воспринимают как всецело ориентированную на эстетическое, духовное и трансцендентное, и оттого чуждую и невосприимчивую к современному ей научно-техническому перевороту.

Толстой представлял технологию как прикладную науку, а науку — как одну из двух сфер человеческого творчества (вторая — искусство), которые могут быть использованы во благо или во зло: «...деятельность эта, очевидно, есть орудие общения людей между собой, и потому, как всякое орудие общения: слово, письмо, телеграф, собрания, учения, школы и др., — может быть полезным, хорошим, безразличным и вредным» (т. 30, с. 319)¹.

Задачей Толстого было не принять или отвергнуть современную науку и технику оптом, а скорее найти к ним соответствующий подход. В своей оценке науки, как и искусства, писатель отказывался от инструментальной рациональности, то есть от применения таких чисто формальных критериев, как продуктивность, экономическая эффективность или техническое мастерство². В статье «Конец века» Толстой утверждает, что человеческое творчество не является самоцелью:

1 Здесь и далее все ссылки на издание [Толстой 1928—1958] даются в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.

2 Подход Толстого к науке, технике и искусству становится понятнее в свете теории Макса Вебера о двух типах мотивации, управляющих человеческой деятельностью. По Веберу, инструментальная рациональность оценивает деятельность, используя

Бессознательная, а иногда и сознательная ошибка, которую делают люди, защищающие цивилизацию, состоит в том, что они цивилизацию, которая есть только орудие, признают за цель и считают ее всегда благом. Но ведь она будет благом только тогда, когда властвующие в обществе силы будут добрыми. Очень полезны взрывчатые газы для прокладки путей, но губительны в бомбах. Полезно железо для плугов, но губительно в ядрах, тюремных запорах (т. 36, с. 108).

Согласно Толстому, любая деятельность должна служить (если оценивать ее, используя проверенные временем, универсальные параметры) внеположенной ей цели, главным образом — человеческому совершенствованию. Здесь мне хотелось бы указать, что Толстой отдавал должное тем современным технологиям, которые отражали и стимулировали это жизненно необходимое развитие. Эти технологии (например, кинематограф, фотография, фонограф) не воспевали движение в будущее или иллюзорные признаки прогресса, а, в сущности, *запечатлевали* ощущение времени, предоставляя возможность пережить опыт его *преходящести*. Сохраняя прошлое и культурную память, они тем самым способствовали духовной преемственности и фиксировали неуверенное, но настойчивое движение человечества к моральному абсолюту.

Толстой и наука

Толстовское неприятие «науки для науки» определило его философскую склонность к технологии, то есть к прикладной науке. Писатель часто сетует на стремление ученых разделить знание на мельчайшие сегменты, что не позволяет им думать о науке комплексно и концептуализировать способы, которыми наука могла бы разрешить более масштабные человеческие проблемы:

Дело науки — служить людям. Мы выдумали телеграфы, телефоны, фонографы, а в жизни, в труде народном что мы подвинули? Пересчитали два миллиона буквашек! А приручили ли хотя одно животное со времен библейских, когда уж наши животные давно были приручены? А лось, олень, куропатка, тетерев, рябчик всё остаются дикими. Ботаники нашли и клеточку, и в клеточках-то — протоплазму, и в протоплазме еще что-то, и в этой штучке еще что-то. Занятия эти, очевидно, долго не кончатся, потому что им, очевидно, и конца быть не может, и потому ученым некогда заняться тем, что нужно людям (т. 25, с. 358).

параметры, созданные исключительно для данной конкретной деятельности, тогда как ценностная рациональность оценивает деятельность, используя величины, которые внеположены ей, — например, эстетические или религиозные параметры [Weber 1978]. Это веберовское разграничение проводится и в книге о сельском хозяйстве, над которой работает Левин в «Анне Карениной». Критикуя новомодный подход к модернизации крестьянского труда, Левин утверждает, что необходимо не увеличить, а снизить темп и уровень производства, — и тем самым озвучивает свое несогласие с принципом инструментальной рациональности, основополагающим для функционирования капиталистических технологий. Левин здесь возражает не против применения технологий как таковых, а против принципа продуктивности, который они навязывают российским работникам: «Представьте себе... что вы нашли средство заинтересовать рабочих в успехе работы и нашли ту же середину в усовершенствованиях, которые они признают... и вы... получите вдвое, втрое против прежнего. <...> А чтобы сделать это, надо спустить уровень хозяйства и заинтересовать рабочих в успехе хозяйства» (т. 18, с. 356).

На первый взгляд, из этого отрывка следует, что Толстой порочит и обесценивает как науку, так и технику. Тем не менее дневники писателя свидетельствуют о том, что он с живым интересом следил за новинками естественных наук и изо всех сил пытался в них разобраться. Однако понять их для Толстого означало не только усвоить отдельные физические и биологические законы, но и осознать их значение для человеческой жизни в целом. По мере того как Толстой уясняет себе законы физики и делает записи об этом в своем дневнике, он пытается применить их двумя определенными способами.

С одной стороны, он размышляет о законах физики в аспекте их практического применения для материального улучшения жизни. Такой подход проявляется в многочисленных рассказах о естественных науках, которые писатель включает в свои азбуки для детей. По подсчетам исследователя этих пособий, Толстой написал 133 детских рассказа о естественных науках [Кабашева 2015: 112]. Основной организующий принцип этих текстов — представить закон природы через историю его технологического применения: таким образом, ребенок получает объяснение, как знание этого закона пригодится в жизни, а наука предстает как способ коммуникации между природой и человеком. Так устроен, например, *рассказ-быль* Толстого «Как в городе Париже починили дом»: «В одном большом доме разошлись стены. Стали думать, как их свести так, чтобы не ломать крыши. Один человек придумал. Он вдделал с обеих сторон в стены железные ушки; потом сделал железную полоску, такую, чтобы она на вершок не хватала от ушка до ушка. Потом загнул на ней крюки по концам так, чтобы крюки входили в ушки. Потом разогрел полоску на огне, она раздалась и достигла от ушка до ушка. Тогда он задел крюками за ушки и оставил ее так. Полоса стала остывать и сжиматься и стянула стены» (т. 22, с. 107). В этом немудреном рассказе Толстой знакомит детей с законами теплового расширения и сжатия и показывает, как в сочетании с человеческой изобретательностью эти естественные законы могут быть использованы на благо общества — в данном случае для спасения здания³.

С другой стороны, Толстой пытается превратить законы физики в философские открытия, использовать их для понимания духовного смысла жизни — как, например, в дневниковой записи от 17 ноября 1873 года: «Читал Верна. Движение без тяготенья немислимо. Движенье есть тепло. Тепло без тягот[енья] немислимо» (т. 48, с. 67)⁴. Записав этот на первый взгляд чисто

3 Толстой предпочел умолчать о том, что здание, послужившее предметом рассказа, было старым корпусом Музея искусств и ремесел (Musée des Arts et Métiers), — он счел этот факт нерелевантным для целевой аудитории пособия. Однако занятная история о творческой изобретательности, вероятно, привлекла внимание писателя именно благодаря тому, что она идеально продемонстрировала отношения между искусством, наукой и техникой и оправдала логику, согласно которой название музея, в котором выставлены научные и промышленные приборы и чертежи, содержит в себе слова «искусства и ремесла». В 1922 году дополненный вариант этого рассказа оказался в учебнике по физике для средней школы, написанном Яковом Перельманом [Перельман 1922: 136]. Продолжая заложенную Толстым традицию объяснять основы физики на примерах их применения в повседневной жизни, это пособие снискало популярность и переиздается по сей день.

4 Стремление Толстого выводить универсальные законы жизни из научных данных — еще один пример метода аналогии, который подробно анализируют в своих статьях из данного блока Р. Николози и М. Эрли. По их наблюдениям, этот метод широко применялся в дискурсе естественных наук в ту эпоху.

физический закон, Толстой днем позже приходит к пониманию его философских последствий: «Мы знаем движение, силу только своей волею» (т. 48, с. 68). Ранее, размышляя о физических законах движения, он экстраполировал из них умозаключение, которое не только предвосхищает эйнштейновскую теорию относительности, но и во многом определяет политическую историю: «Движение не есть противоположение покою. Покоя нет, как скоро есть движение. Движение всего в одном направлении есть покой. Движение есть противоположение направлений движения» (т. 48, с. 135). Возможно, именно такое понимание этого закона физики предопределило толстовское недоверие к идее прогресса как однонаправленного положительного движения — и подкрепило нелюбовь писателя к поездам с их неуклонным движением по закрепленным рельсам и пассивными пассажирами.

Зловещая поэтика железных дорог

Чехов был не единственным, кто считал Толстого врагом прогресса. Другие его современники, твердо верившие в потенциал техники к служению общему благу, также выражали свое нередко яростное несогласие с толстовским учением. Например, Николай Федоров, отец русского космизма, осуждал толстовскую проповедь «неделания», а инженер Петр Энгельмейер, первый российский популяризатор позитивистской философии техники, в 1898 году посвятил специальную работу «Критике научных и художественных учений гр. Л.Н. Толстого», в которой развенчал непротивление злу насилием как препятствующее всякому техническому вмешательству, а толстовскую теорию творчества — как объединяющую *полезное с добрым*, что, по мнению Энгельмейера, ограничивает свободу выбора и эксперимента, абсолютно необходимые для любого технического процесса⁵.

В качестве аргумента в поддержку представления о Толстом как луддите исследователи неоднократно приводили фатальную роль, отведенную поезду в таких произведениях, как «Анна Каренина», «Воскресение» и «Крейцерова соната», где он изображен как фактор разложения, разрушения и социального принуждения. Мы, люди XXI века, убеждены, что живем в эпоху беспрецедентного научно-технического прогресса. Однако именно в XIX веке, большей части которого долгожитель Толстой был свидетелем, техническое развитие происходило наиболее стремительными скачками, в результате чего эта эпоха, по подсчетам социолога П. Сорокина, породила больше технических инноваций и открытий, чем все предыдущие века вместе взятые: пароходы и автомобили трансформировали восприятие времени и пространства, тогда как телефон, телеграф, радио и прочие электромагнитные приборы радикально изменили весь уклад повседневной жизни [Sorokin 2017: 244]. И все же наиболее значимым технологическим прорывом XIX века была железная дорога, ставшая апофеозом промышленной революции и как ее наиболее грандиозный продукт, и как ее движущая сила.

В России быстрое развитие сети железных дорог было обусловлено обширностью территории страны и разложением ее феодального строя. В статье «Же-

5 Об отношении Федорова к толстовской религиозной философии см.: [Гельфонд 2019]. О взаимоотношениях Толстого с Энгельмейером см.: [Горохов 2010].

лезная дорога в творчестве Толстого» М.С. Альтман предложил марксистскую трактовку того периода, когда Толстой работал над «Анной Карениной»:

Это были 70-е годы прошлого века, время, когда молодой русский капитализм, почувствовав, что феодальные узы, тяготевшие над ним, ослабли и не в состоянии сдерживать его рост, хищнически кинулся во все отрасли народного хозяйства и больше всего в сулившее ему сверхприбыли железнодорожное строительство. Это строительство явилось как бы символом нового, рвущегося к власти, класса буржуазии [Альтман 1964: 67].

Таким образом, поезд рассматривался не только как прогрессивное средство передвижения, обеспечивающее быструю и комфортную доставку пассажиров, распространяющее идеи и нивелирующее местную специфику: он также представлял воплощением классовой мобильности и классового антагонизма. В 1860—1870-е годы, по мере того как железные дороги уходили все глубже в российскую провинцию, тема путешествия поездом и техническая лексика проникали во все сферы российской литературной жизни [Baehr 1989].

В тот период Толстой был далеко не одинок в использовании поезда как символа неумолимой разрушительной современности. Это было довольно распространенное отношение, почти само собой разумеющееся, на что намекает в статье «Что случилось по смерти Анны Карениной?» редактор «Русского вестника» Михаил Катков, когда пишет: «Анна погибла, сложив голову под колесницу Джагернаута нашего века» [Аноним 1877: 449]. К моменту, когда Толстой снабдил свою героиню билетом в Москву, чтобы она могла уладить семейные неурядицы своего брата и по велению судьбы в пути познакомиться со своим будущим любовником, князь Мышкин в «Идиоте» Достоевского (1868) уже прибыл поездом в Санкт-Петербург — цитадель российского прогресса, что и предопределило его фатальный исход. Без сомнения, Толстой разделял опасения Достоевского, выраженные столь красноречиво предвестником «века пороков и железных дорог» Лебедевым: «...телеги, подвозящие хлеб всему человечеству, без нравственного основания поступку могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества...» [Достоевский 1973: 311—312].

Толстой в ряде случаев высказал ту же мысль, хотя и иначе расставил акценты. Достоевский в «Идиоте» и других произведениях подвергает сомнению саму концепцию справедливости; общественное переустройство и идеи утопического *материализма* обречены на провал, поскольку лишены христианского фундамента, который, по Достоевскому, составляет основу нравственности. Толстой не разделял подобный скептицизм по поводу утопических идей и не считал, что они неизбежно приводят к *антиутопии*. Если у Достоевского протест носит более или менее идеологический характер, в версии Толстого он становится социологическим или, по меньшей мере, техническим и свидетельствует об обострении классового неравенства. Согласно Толстому, даже если современные технологии делают жизнь более комфортной для узкой прослойки общества, они не приносят ничего хорошего крестьянам и даже вредят им.

В трактате «Так что же нам делать?» писатель утверждает, что современные удобства удовлетворяют нужды привилегированных сословий за счет народных масс:

...попытаемся оценить эти успехи <сделанные в наш век> не на основании нашего самодовольства, а того самого принципа, который защищается этими успехами, — разделения труда. Все эти успехи очень удивительны, но по особенной несчастной случайности, признаваемой и людьми науки, до сих пор успехи эти не улучшили, а скорей ухудшили положение большинства, т. е. рабочего. Если рабочий может вместо ходьбы проехать по железной дороге, то за то железная дорога сожгла его лес, увезла у него из-под носа хлеб и привела его в состояние, близкое к рабству — капиталисту. <...> Если есть телеграфы, которыми ему не запрещается пользоваться, но которыми он, по своим средствам, не может пользоваться, то зато всякое произведение его, которое входит в цену, скупается у него под носом капиталистами по дешевой цене, благодаря телеграфу, прежде чем рабочий узнает о требовании на этот предмет (т. 25, с. 355).

Видя в подобных пассажах проявление классового сознания, некоторые исследователи предположили, что неприязнь Толстого к железным дорогам была обусловлена классовой ненавистью: антипатией дворянина-помещика к поднимающей голову буржуазии и его отчаянием при виде того, как рушатся сельскохозяйственные основы его образа жизни под давлением этой новой силы. Альтман, например, утверждает, что стремление брата Анны, прирожденного аристократа, ради жалованья получить должность в агентстве кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог является свидетельством более глубокого и социально значимого падения: «...если конец Анны под поездом может быть воспринят как частный случай, то уже конец Рюриковича Облонского на службе в железнодорожном ведомстве, несомненно, явление порядка социального: его явно переезжает “локомотив истории”» [Альтман 1964: 69]. В свою очередь, Алексей Павленко усматривает в этом «локомотиве истории» ту же потустороннюю силу, что пронизывает не только сны персонажей, но и роман в целом. Сторож, задавленный поездом на вокзале в Москве, мужичок, работающий над железом, приговаривая по-французски, из кошмаров Анны и Вронского — все это проявления страха перед нарождающимися грозными социально-экономическими силами [Pavlenko 2014: 19—29].

Подталкиваемый то ли необратимым уже подъемом буржуазии, то ли надвигающимся подъемом угнетенных народных масс, Толстой приводит веские причины для осуждения классовой мобильности, предоставляемой железными дорогами. То же неприятие тщеславия и самодовольной искушенности в светских условностях, очевидное в повести «Смерть Ивана Ильича» лежит в основе толстовской критики современных технологий и научного прогресса как факторов, питающих самодовольство представителей высшего сословия: «Восторги эти перед самим собою до такой степени часто повторяются, мы все до такой степени не можем нарадоваться на самих себя, мы серьезно уверены, что наука и искусства никогда не делали таких успехов, как в наше время» (т. 25, с. 354). Если научно-технический прогресс вызывает самолюбование и самоуспокоенность, какая в нем польза? Подлинное самосовершенствование начинается с *недовольства* собой.

Когда Энгельмейер прислал Толстому рукопись своего труда «Изобретения и привилегии. Руководство для изобретений», писатель в ответ дал краткий положительный отзыв, в котором подчеркнул необходимость самокритики для любого творца: «Меня каждый год посещают несколько человек таких изобретателей, и всегда бывает жалко ненормального душевного состоя-

ния, в которой они большей частью находятся. <...> Ваша книга может принести пользу тем из них, которые еще не потеряли способности критически относиться к своим проектам, и потому желаю ей успеха» (т. 70, с. 53). Несмотря на их разногласия, Энгельмейер опубликовал этот отзыв в качестве предисловия к своей книге, тем самым соглашаясь с мнением Толстого о важности самокритики. Как полагает Илья Клигер, категорическое требование самокритики и переоценки, эта потребность «вообразить другой мир», является ключевой составляющей толстовского «альтернативного» прогресса, его «прогресса, основанного на неудовлетворенности и критике» [Kliger 2011: 169].

Усовершенствование vs. совершенствование

Будучи глубоко современным мыслителем, Толстой не обошел вниманием два актуальнейших вопроса современности: движение и улучшение. Однако он вложил в эти термины собственное значение в соответствии со своей нравственной философией. Жизнь, этически задуманную и выстроенную, подчиненную единой цели, следовало отличать от простой череды «случайных» усовершенствований. Деконструируя идею исторического или политического прогресса, как и дарвиновскую теорию эволюции, Толстой тем не менее признавал, что движение — это суть жизни: «Я не вижу никакой необходимости отыскивать общие законы в истории, не говоря уже о невозможности этого. <...> Закон прогресса, или совершенствования, написан в душе каждого человека, и только вследствие заблуждения переносится в историю» (т. 8, с. 333). Здесь, как и вообще, писатель противопоставляет внешние, а потому случайные *усовершенствования* внутреннему росту, или *совершенствованию*⁶; формальное, механистическое и случайное — сущностному, органичному и закономерному.

Иллюзорный мир внешних явлений мимикрирует под мир истинный⁷; Толстой считал необходимым отличать внешнее, показное от сущностного, а развитие человечества видел в движении от первого ко второму. Как формулирует он на страницах «Так что же нам делать?», «только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно, и одно только дело оно делает — оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет» (т. 25, с. 226). В одном из дневников писатель вновь повторяет, что движение, составляющее человеческую жизнь, — это развитие самосознания, и добавляет, что «это уяснение может происходить только в мире временном, пространственном, который сам в себе не имеет значения, но необходим для работы уяснения сознания» (т. 57, с. 222). Отсюда исходит защита Толстым «истинной» науки, включая ее прикладные отрасли.

-
- 6 Разграничивая эти однокоренные слова, Толстой подчеркнуто употребляет термин «усовершенствование» (означающий конкретное улучшение технического, инструментального характера и часто применяемый к технике) с ироническим оттенком: «Художник будущего не будет знать всего разврата технических усовершенствований, скрывающих отсутствие содержания» (т. 30, с. 184).
- 7 «Железная дорога к путешествию то, что бордель к любви, — сострил Толстой в письме к Тургеневу, — так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно» (т. 60, с. 170).

В статье «Наука и искусство» Толстой, этот якобы противник научно-технического прогресса, открыто признает его необходимость: «Естественно думать и сказать, что лучше бы вовсе не было наук и искусств, чем если бы они поддерживались такими жертвами, какими они поддерживаются теперь... но это было бы несправедливо» (т. 30, с. 27). Толстому приходится отдать должное наукам и искусству: возможно, они и не способствуют историческому или политическому прогрессу, однако они реально способствуют иному, существенно важному движению, в процессе которого самосознание развивается и обретает целостность в своем стремлении к нравственному абсолюту. Во-первых, писатель признает заслуги техники — даже если ее создатель сознательно не ставит перед собой такой цели — в воплощении внутреннего импульса к единению человечества:

...благо наше только в единении и братстве людей.

Бессознательно истина эта подтверждается установлением путей сообщения, телеграфов, телефонов, печатью, все большей и большей общедоступностью благ мира сего для всех людей, и сознательно — разрушением суеверий, разделяющих людей, распространением истин знания, выражением идеала братства людей в лучших произведениях искусства нашего времени (т. 30, с. 177).

Во-вторых, Толстой признает, что современные технологии не просто отражают движение человечества к единению — они делают его возможным, обеспечивая сбор, хранение и передачу знания от поколения к поколению:

...все, чем мы живем, все, что нас радует, все, чем мы гордимся, все, начиная от первобытного шалаша и лопаты до железной дороги, оперы и Эйфелевой башни, есть не что иное, как последствие передачи знаний. Самое сложное произведение, как Эйфелева башня, есть не что иное, как переданные поколению от поколения знания того, как выкопать, сварить, закалить, обделать железо в полосы, гайки, винты и т.п. То же и с каждым человеческим произведением. Все, чем отличается человек от животного и жизнь человеческая от жизни животных, есть результат передачи знаний (т. 30, с. 461).

Толстой восхищается Эйфелевой башней — общепризнанным символом модерна, урбанизма и технического мастерства, поскольку узнает в ней то, что составляет суть человеческой жизни: согласное движение к знанию. Отметим, что в его описании отсутствуют указания на какую-либо практическую ценность башни: для него она представляет собой прежде всего зримое свидетельство труда и движения к совершенствованию. Так что, согласно Толстому, башня производит то же благотворное действие, что и любое хорошее искусство: «Искусство... есть одно из орудий общения, а потому и прогресса, т.е. движения вперед человечества к совершенству» (т. 30, с. 151). Таким образом, в положительной оценке Толстого техника сливается с искусством: в качестве орудия человеческого общения искусство технологично; в качестве выражения этого общения Эйфелева башня художественна.

Убежденность Толстого в том, что благотворны только те технологии, которые утверждают идею человеческой общности, духовно предвосхищает проводимое Хайдеггером различие между древнегреческим *technê* (искусство и ремесло, форма *poiesis* — творения) и понятием *Technik* (современная технология, форма освоения, господства) [Heidegger 1977], или противопоставление

вещей и средств в философии техники Альберта Боргманна. По Боргманну, вещи — это старые технологии, которые отражают их природный и общественный контекст и требуют усилий, навыков и внимания, а средства — это продукты массового производства, единственная цель которых — практическое применение [Borgmann 1987]. В отношении Толстого к технике также прослеживается подобное разграничение. Как и Маркс, он считает, что разделение труда, на котором основано промышленное производство, ведет к разобщенности и эксплуатации. Оно углубляет раскол в социуме, разрушает общественные связи и заставляет одних работать до истощения, чтобы другие могли жить в праздности. Хотя Толстого и упрекают в проповеди «неделания», став свидетелем неравенства, характерного для индустриального существования, он приходит к следующему выводу: «...для того чтобы не производить разврата и страданий людей, я должен как можно меньше пользоваться работой других и как можно больше самому работать» (т. 25, с. 294).

Этим, возможно, объясняется его одновременная антипатия к поезду и любовь к другому революционному для той эпохи техническому средству — велосипеду. Прежде всего, вам самому приходится крутить педали, тогда как поезд располагает к пассивности и отупляющему комфорту; чтобы воспользоваться велосипедом как транспортным средством, необходимо приобрести соответствующие навыки, упражняться в ловкости и приложить некоторые усилия. Во-вторых, поезд вполне буквально отделяет вас от внешнего мира, укрывая в закрытом тесном помещении, тогда как пересекая пространство на велосипеде, вы физически постигаете его, интегрируетесь в ваше природное окружение. Кроме того, разделяя пассажиров на классы, поезд интегрирует вас в существующие социальные механизмы. Велосипед же, напротив, открывает вас миру и выталкивает за пределы условностей. В одном из писем Толстой хвалит велосипед именно за то, что тот не допускает самодовольства, которое, по приведенному выше мнению писателя, внушает поезд: «Велосипед же не смущает меня, несмотря на укоризны... во-первых, потому что денег при этом не трачу, а во-вторых, потому что, когда я вожу воду, мне всегда радостно, когда меня увидят, а когда увидят на велосипеде — стыдно» (т. 87, с. 326). Велосипед позволяет человеку одновременно испытать и власть над движением, и почти детскую неискушенность, а порицание его приличным обществом превращает передвижение на нем в акт неповиновения: «Е. отговаривал меня, и огорчился, что я езжу, а мне не совестно. Напротив, чувствую, что тут есть естественное юродство, что мне все равно, что думают, да и просто безгрешно ребячески веселит» (т. 53, с. 24). Велосипед не только поощряет к физическому движению: он способствует личностному росту писателя, склоняя его к самоуничтожению и воспитывая в нем независимость от социальных норм.

Коллективная память

Толстой в некоторой степени сочувствовал федоровской мечте об объединении всех народов в техническом осуществлении «общего дела». Но объединении — учитывая толстовскую приверженность евангельской идеи отказа от плотской жизни (Лк. 14: 26) и учитывая его практически манихейско-альбигойский ужас перед деторождением, получивший выражение в «Крейцеровой сонате», — не

ради физического воскресения, провозвестником которого был Федоров. Из описанных выше идей можно заключить, что для Толстого физическое бессмертие было бы излишним, поскольку передача знания сама по себе обеспечивает фактическое бессмертие. Это помогает объяснить пристрастие Толстого к новым технологиям записи звука и изображения — фонографу, фотографии, кинематографу, ведь они наглядно осуществляют две взаимосвязанные функции техне: запечатлеть общение и содействовать памяти.

Теоретик медиатехнологий Фридрих Киттлер связывает фонограф с категорией реального в психоанализе, то есть с непосредственным бытием, от которого мы отрываемся, когда вступаем в символическое, социальное поле языка. Фонограф сохраняет «замусоривающие» речь остаточные элементы, звуки и фразы, он допускает включения, не предусмотренные сценарием, которые в письменном высказывании чаще всего выправляются [Kittler 1999]. Толстой вполне осознавал, что фонограф фиксирует недочеты, даже сетовал на это в своем дневнике. И тем не менее, когда Эдисон прислал ему фонограф с просьбой записать «какую-нибудь мысль, которая поспособствует нравственному и социальному прогрессу <народов мира>», Толстой с энтузиазмом взялся за это дело. Как записал в своем дневнике личный врач писателя доктор Маковицкий: «Лев Николаевич волновался еще за несколько дней до приезда англичан; сегодня, прежде чем сказать в фонограф, упражнялся, особенно в английском тексте. <...> По-русски и по-французки хорошо наговорил, по-английски... нехорошо вышло, запинаясь на двух словах. Завтра будет говорить снова» [Сергеенко 1939: 331].

Может, Толстой и хотел избавиться от этих запинок и погрешностей, но, вероятно, он в то же время и дорожил ими как свидетельством спонтанности и аутентичности; в конце концов, он считал студийные снимки отвратительными, но при этом ценил свои любительские фотографии, сделанные Софьей Андреевной.

Судя по записи в «Эдисоновском альбоме» отзывом о фонографе, Толстой приветствовал изобретение, делая особый акцент на его способности увековечивать голосовую выразительность:

Величайшая сила в мире — это мысль. Чем больше появляется форм выражения мысли, тем больше проявляется эта сила. Изобретение печати открыло эпоху в истории человечества, еще одна будет открыта телефоном и в особенности фонографом, представляющим собой наиболее действенную и потрясающую форму запечатления и увековечивания не только слов, но также и выражения голоса, который их произносит [Tolstoy 1894].

Если поезд в представлении Толстого ассоциируется с внешним давлением и социальным подкреплением, то звукозаписывающие технологии, возможно, способны компенсировать это негативное воздействие, предлагая со своей стороны звуковую дорожку с посланием из внутреннего мира, переданным посредством голоса со всеми его оттенками. Тогда как поезд нагружен «убийственным однообразием», фонограф, возможно, раскрывает сущностные отличительные черты, которые невозможно повторить или свести к символическому языку. Готовясь к сессии звукозаписи, Толстой написал в дневнике: «Хочу для фонографа приготовить настоящее, близкое сердцу» (т. 56, с. 162).

То, что для самой первой своей фонографической записи в феврале 1895 года Толстой выбрал притчу «Кающийся грешник», намечает связь между звуко-

записывающими технологиями и коллективной памятью. В этом рассказе грешник оказывается у запертых дверей рая и пытается силой речи воззвать к тем, кто находится по другую их сторону, чтобы тронуть сердца святых воспоминаниями об их поступках. Обращаясь к Иоанну Богослову, он напоминает ему о его же проповеди любви. Растроганный этим напоминанием, Иоанн отворяет райские врата и выпускает грешника в Царство Небесное. Весьма вероятно, что динамика устной коммуникации в этой притче — диалог с незримым собеседником — представилась Толстому прототипом нравственной цели, которой мог бы послужить фонограф. То, как писатель свел этот текст и фонограф, чтобы они взаимодополнили друг друга, может стать отдельным примером благотворного применения техники вообще: придайте ей нравственную цель, употребите ее для связи с другими людьми, используйте ее для осмысления и распространения духовных ориентиров человечества.

Пер. с англ. Арины Волгиной

Библиография / References

- [Альтман 1964] — *Альтман М.С.* Железная дорога в творчестве Толстого // Толстовский сборник. 1964. № 2. С. 66—72.
- (*Altman M.S.* Zheleznaya doroga v tvorchestve Tolstogo // Tolstovskiy sbornik. 1964. № 2. P. 66—72.)
- [Аноним 1877] — *Аноним.* Что случилось по смерти Анны Карениной? // Русский вестник. 1877. Т. 130. № 7. С. 448—462.
- (*Anonim.* Chto sluchilos' po smerti Anny Kareni-pou? // Russkiy vestnik. 1877. Vol. 130. № 7. P. 448—462.)
- [Достоевский 1973] — *Достоевский Ф.М.* Идиот // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 35 т. Т. 8. М.: Наука, 1973.
- (*Dostoevskiy F.M.* Idiot // Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy: In 35 vols. Vol. 8. Moscow, 1973.)
- [Гельфонд 2019] — *Гельфонд М. Н.Ф.* Федоров и Л.Н. Толстой: «общее дело» против «не-делания» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 13—22.
- (*Gelfond M. N.F.* Fedorov i L.N. Tolstoy: "obshchee delo" protiv "ne-delaniya" // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 1. P. 13—22.)
- [Горохов 2010] — *Горохов В.* Техника и культура: Возникновение философии техники в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия. М.: Логос, 2010.
- (*Gorokhov V.* Tekhnika i kul'tura: Vozniknovenie filosofii tekhniki v Rossii i Germanii v kontse XIX — nachale XX stoletiya. Moscow, 2010.)
- [Кабашева 2015] — *Кабашева О.В.* «Азбука» и «Новая азбука» Л.Н. Толстого в исследованиях отечественных авторов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 1. С. 112—117.
- (*Kabashева O.V.* "Azбуka" i "Novaya azбуka" L.N. Tolstogo v issledovaniiahk otechestvennykh avtorov // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2015. № 1. P. 112—117.)
- [Перельман 1922] — *Перельман Я.И.* Физическая хрестоматия: пособие по физике и книга для чтения: В 4 вып. Вып. 1: Механика. Пг.: Сеятель, 1922.
- (*Perel'man Ya.I.* Fizicheskaya khrestomatiya: posobie po fizike i kniga dlya chteniya: In 4 iss. Iss. 1: Mechanics. Saint Petersburg, 1922.)
- [Сергеенко 1939] — *Сергеенко А.* Переписка Толстого с Т. Эдисоном // Л.Н. Толстой: В 2 кн. / Отв. ред. П.И. Лебедев-Полянский. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 330—331.
- (*Sergeenko A.* Perepiska Tolstogo s T. Edisonom // L.N. Tolstoy: In 2 bks / Ed. by P.I. Lebedev-Poljanskij. Bk. 2. Moscow, 1939. P. 330—331.)
- [Толстой 1928—1958] — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Художественная литература, 1928—1958. (<http://www.tolstoy.ru/creativity/>)

- 90-volume-collection-of-the-works/ (дата обращения: 18.08.2021)).
- (*Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochineniy*: In 90 vols. Moscow, 1928—1958 (<http://www.tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/> (accessed: 18.08.2021)).)
- [Чехов 1977] — *Чехов А.П.* Письмо А.С. Суворину, 27 марта 1894 г. Ялта // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1977. С. 283—284.
- (*Chekhov A.P. Pis'mo A.S. Suvorinu, March 27 1894. Yalta // Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: In 30 vols. Vol. 5. Moscow, 1977. P. 283—284.)
- [Baehr 1989] — *Baehr S.* The Troika and the Train: Dialogues Between Tradition and Technology in Nineteenth-Century Russian Literature // *Issues in Russian Literature Before 1917* / Ed. by J.D. Clayton. Slavica, 1989. P. 85—106.
- [Borgmann 1987] — *Borgmann A.* Technology and the Character of Contemporary Life: A Philosophical Inquiry. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987.
- [Heidegger 1977] — *Heidegger M.* The Question Concerning Technology, and Other Essays / Transl. by W. Lovitt. New York; London: Garland Publishing, 1977.
- [Kittler 1999] — *Kittler F.A.* Gramophone, Film, Typewriter. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.
- [Kliger 2011] — *Kliger I.* The Narrative Shape of Truth: Veridiction in Modern European Literature. University Park: Pennsylvania State University Press, 2011.
- [Pavlenko 2014] — *Pavlenko A.* Peasant as the Political Unconscious in Anna Karenina: Vengeance, Its Forms and Roots // *Tolstoy Studies Journal*. 2014. № 26. P. 19—29.
- [Sorokin 2017] — *Sorokin P.* Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. New York: Routledge, 2017.
- [Tolstoy 1894] — Extracts from the Edison Phonograph Album [Leo Tolstoy and Arthur Nikish], 1894. Rodgers and Hammerstein Archives of Recorded Sound, The New York Public Library (<http://digitalcollections.nysl.org/items/91583395-e028-999e-e040-e00a18060d4e> (accessed: 18.08.2021)).
- [Weber 1978] — *Weber M.* Economy and Society. Berkeley, CA: University of California Press, 1978.